

Ольга
Богатикова

Сказка

Ольга Богатикова

Сны

«Автор»

2024

Богатикова О. Ю.

Сны / О. Ю. Богатикова — «Автор», 2024

Знаменитый хирург отдает пациентам свой жизненный огонь. Спонтанная покупка превращает девушку в Снегурочку. В волшебной кофейне добрая фея добавляет в напитки удачу и вдохновение. Жене владельца книжного издательства снятся сны о жизни в волшебной стране. Сборник историй о чудесах, любви и нелегком выборе, который приходится делать на том или ином этапе своей жизни.

© Богатикова О. Ю., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Свеча	5
Враже, мой враже	14
На краю земли	25
Снегурочка	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ольга Богатикова

Сны

Свеча

Я бежала по коридору со всех ног. Встречавшиеся на пути люди шарахались в стороны, а двери, возникавшие в конце очередного поворота, чудесным образом распахивались передо мной сами собой.

Я миновала терапевтическое отделение, проскочила мимо неработающего лифта, взлетела по лестнице на третий этаж. И с удвоенной скоростью помчалась вперед – к операционному залу №4.

У стены на узких старых стульях сидели бледные женщины в голубых одноразовых халатах. Глаза их были опухшими от слез.

Родственники?.. Кто их сюда впустил?!

– Вита Кандиль! Смотрите, Вита Кандиль!

– Слава Богу, – выдохнула мне в след одна из женщин. – Теперь все будет хорошо.

Я влетела в предоперационную, по пути стаскивая с себя одежду. Марта уже ждала меня там. Помогла выпрыгнуть из толстого вязаного платья и шерстяных колготок, натянуть привычный светло-зеленый костюм, переобуться, обработать руки.

– Как там дела? – спросила я, кивнув в сторону широкой пластиковой двери.

– Плохо, – буркнула Марта. – Стал бы Торстен выдергивать тебя из постели в такое время, если б все было нормально? Операцию они начали сами, побоялись, что ты не успеешь добраться вовремя.

Я дождалась, когда она наденет на меня маску, и вошла в зал.

Коллеги уже сустились возле хирургического стола. Торстен тихо матерился, Агата молча подавала ему инструменты.

А рядом с ними стоял он. Высокий, темноволосый, в привычной синей рубашке и черных отутуженных брюках.

– С дороги, – прошипела я, грубо задев его плечом.

Плечо, как обычно, прошло сквозь мужчину, не причинив ему никаких неудобств. Затылком я почувствовала его кривую усмешку.

– Наконец-то, – выдохнула Агата, увидев меня.

Я быстро окинула взглядом человека, лежавшего на столе. Пожилой мужчина – лет семидесяти, не меньше. Худой, бледный, изможденный. Болячек у него явно немало.

– Смотри, Вита, все, как я и говорил, – затараторил между тем Торстен. – Прободная язва – четыре штуки. Желудок, как решето. Этому деду сегодня делали ФГДС, так он все вокруг кровью заблевал.

– Я тебя поняла, – прервала его. – Давайте работать.

Медсестра протянула мне скальпель.

Держись, дедуля, ты еще поживешь. А этот ухмыляющийся ублюдок останется сегодня без добычи.

Спустя полтора часа я бросила в бикс иглу, вытерла локтем вспотевший лоб.

– Теперь главное, чтобы дедушка смог очнуться после всего того, что мы с ним сделали, – сказала Агата, провожая взглядом санитаров, покотивших пациента на выход.

– Очнется, не переживай, – улыбнулась я. – В реанимации задержится дней на десять, потом месяц реабилитации – и будет, как новенький.

– У меня, как и всегда, нет причин тебе не доверять, – улыбнулась она в ответ. – Знаешь, Торстен бы в одиночку с таким желудком не справился. Ты сама видела, в каком он был состоянии. И желудку, и Торстену очень повезло, что в нашей больнице есть ты.

Я махнула рукой. Не рассказывать же ей, что все мои старания направлены на то, чтобы прогнать восвояси хитрого темноволосого придурка, которого кроме меня и не видит-то никто. Сейчас отутюженный гад ушел, а значит, можно вздохнуть спокойно. Этой ночью в больнице никто не умрет.

Я вышла из операционной, передала Марте перчатки, шапочку и маску. Мои руки при этом мелко дрожали, а глаза вдруг стали сухими, будто кто-то насыпал в них песка.

Похоже, сегодня я снова буду спать в ординаторской: ехать домой совершенно нет сил.

Вышла в коридор и неторопливо потопала к уже привычному месту ночевки.

На кушетке мирно посапывал Торстен, поэтому я улеглась на диван и со спокойной совестью смежила веки.

Вы когда-нибудь пробовали сражаться со смертью? Отражать ее удары, распутывать мерзкие интриги, прогонять прочь?

Я занимаюсь этим каждый день. Я – хирург. А еще реаниматолог и анестезиолог. К своим сорока семи годам освоила и отработала немыслимое количество способов спасения человеческой жизни. К слову сказать, очень действенных: за двадцать лет практики на моем столе не умер ни один пациент.

Коллеги шутят: имя Виты Кандиль – это синоним удачи, поэтому именно ей достаются самые сложные и опасные операции.

Я в ответ только качаю головой. Если для этих шутников медицина – профессия, то для меня – булава, при помощи которой я держу на расстоянии от беспомощных людей суровую безжалостную сущность, потому как прекрасно знаю, что произойдет, если этот милый симпатичный мужчина подойдет к ним слишком близко.

Несколько лет назад журналист местной газеты изъявил желание написать о «феномене Кандиль» большой материал и долго расспрашивал о том, в чем состоит секрет моего профессионального успеха.

– В полной самоотдаче, – сказала я ему тогда. – Хирургии посвящена вся моя жизнь. Без остатка.

– Без остатка? – удивился журналист. – Как же на это смотрит ваша семья?

– Надеюсь, что с радостью, – усмехнулась в ответ. – Мои родные умерли. Давно, задолго до того, как я надела белый халат. Говорят, на небесах понимают истинные причины наших поступков. Хочется верить, что семья мной гордится.

Корреспондент тогда понятливо кивнул и перевел разговор на другую тему. После его ухода я долго сидела в кресле, смотрела в окно и думала о том, как неожиданные, порой страшные события, меняют наши желания и стремления.

Будучи ребенком, я всерьез думала, что стану воспитателем в детском саду. Буду играть с малышами в куклы и машинки, учить их рисовать и складывать бумажных лягушек. В пятнадцать лет начала готовиться к поступлению в педагогический колледж – штудировала книги по психологии и воспитанию детей, играла с младшим братом и его друзьями, помогала соседке ухаживать за ее новорожденной дочерью. Собственно, благодаря этой самой соседке, я и осталась жива.

Однажды вечером, когда я находилась у нее в гостях, в доме моих родителей случился пожар. Спасатели потом говорили, что причиной возгорания стало неправильное обращение с электроприбором. Вроде бы мои домочадцы что-то намудрили со старым обогревателем. Так это было или нет, а только наш деревянный дом вспыхнул, как свечка. Мама и отец попытались потушить пламя сами и поплатились за это. К тому времени, как я, расталкивая соседей, протиснулась к нашему крыльцу, они были мертвы.

Кроме них в пожаре погибли мои брат и сестра – отравились угарным газом. Судя по всему, наш пятилетний Эрик испугался огня и спрятался в одной из комнат, а Алиса кинулась его искать. Выбраться из горящего дома они уже не смогли.

Мне потом много ночей подряд снился один и тот же сон.

...Высокая деревянная постройка полыхает, как гигантский костер, вокруг шумят люди, воеет сирена, а в воздухе невыносимо воняет гарью. Высокие мужчины в защитных костюмах одно за другим выносят на улицу обгоревшие головешки-тела.

Я стою в толпе испуганных зевак и в тупом оцепенении смотрю на происходящее вокруг.

Вдруг мое сердце замирает: один из пожарных выбегает на улицу, держа на руках Эрика. Малыш серый от копоти, однако выглядит гораздо лучше других: кажется, что он просто в обмороке.

– Этот жив! – кричит спасатель.

К брату тут же кидаются медики. Эрика бережно кладут на носилки, однако высокий пожилой доктор качает головой, достает какие-то странные инструменты, и начинает хлопотать над ним прямо у машины скорой помощи.

И вдруг рядом с ними появляется высокий мужчина в черных брюках и синей рубашке.

Я растерянно хлопаю глазами. Кто он такой? И откуда здесь взялся, такой строгий и аккуратный?

Не обращая внимания на врачей, мужчина подходит к носилкам, протягивает руку. И тут происходит то, от чего волосы на моем затылке начинают шевелиться от ужаса. Эрик приподнимается на локтях, потом садится и тянет незнакомцу свою ладонь в ответ.

Медики продолжают суетиться над маленьким серым телом, а сам ребенок, белый, полупрозрачный, определенно собирается встать и уйти вместе с этим странным человеком.

Моя спина покрывается холодным потом. С пугающей ясностью я понимаю: если это произойдет, усилия врачей окажутся напрасными.

– Стой! – кричу мужчине, бросаясь к нему со всех ног. – Не трогай его!

Незнакомец поворачивает ко мне голову, удивленно приподнимает бровь.

– Эрик, остановись! Не давай ему руки! Не ходи с ним!

Но малыш почему-то меня не слышит. Он вкладывает свои тоненькие пальчики в протянутую ладонь. Мужчина легко выдергивает его из тела, и они оба растворяются в воздухе...

В тот вечер вместе с братом умерло мое желание идти в педагогику.

Спустя пару дней, глядя, как деревянные ящики с телами самых близких и родных мне людей, засыпают землей, я решила, что стану врачом. Умным, грамотным, самым лучшим. Таким, который поможет сохранить жизнь каждому, у кого она будет висеть на волоске, и сумеет прогнать жуткую сущность, зачем-то принимающую облик обычного человека.

Благодаря доброй соседке, взявшей надо мной опеку и избавившей тем самым от угрозы отправиться в детский дом, я смогла спокойно окончить школу и поступить в медуниверситет.

К слову сказать, ординатуру я проходила, имея в наличии красный диплом. Выпускники лечебных факультетов знают, что такое учеба в медицинском вузе, а потому поймут, как никто другой: к своей цели я шла твердо и уверенно.

Видя энтузиазм и увлеченность, преподаватели-доктора предлагали мне ассистировать им во время операций чаще, чем другим студентам, а затем выдали неплохие рекомендации для того, чтобы я без проблем устроилась на хорошую работу.

Хирургическая практика быстро показала мне, что болезни и смерть – очень сильные, умные противники. Знаний, полученных во время учебы, для успешной борьбы с ними катастрофически мало, а время – скорее враг, нежели друг, ибо работает чаще всего против тебя. Поэтому поговорка «Век живи – век учись» сразу стала еще одним девизом моей жизни. Исследовательские статьи, лекции прославленных докторов, дополнительные профессиональные курсы, сотни пациентов, десятки операций в неделю и твердая решимость не уступать безносому монстру ни одной человеческой жизни помогли мне стать тем, кто я есть сейчас.

Много лет назад, стоя над могилами своих родных, я пообещала себе, что в моем присутствии больше не умрет ни один человек. И уже много лет держу свое слово.

Впрочем, надо быть честной. У «феномена Кандиль» есть особенный секрет, о котором знаем только я и темноволосый мужчина в синей рубашке и черных брюках...

«Доктор Кандиль, немедленно пройдите в третью реанимацию! Вита Кандиль, вас ожидают в третьей реанимации!»

Чашка с недопитым кофе звонко опустилась на деревянную столешницу. Я вскочила из-за стола и рысью, переходящей в галоп, бросилась из больничного кафетерия к лифту.

Помнится, пару лет назад, после моей победы в профсоюзных соревнованиях по легкой атлетике, коллеги из других больниц с завистью интересовались, каким образом я научилась так быстро бегать. Мой ответ, что благодарить за это нужно длинные коридоры нашего медцентра, их почему-то не удовлетворил.

Между тем в моих словах не было ни капли лукавства. Когда каждая секунда промедления может оказаться фатальной, волей-неволей приходится развивать скорость, близкую к скорости ветра.

Причина, по которой меня по громкой связи вызвали в реанимацию, была понятна и работникам, и пациентам больницы. Там уже восьмой день находился Алекс Вокк – десятилетний парень, поступивший к нам с тяжелой пневмонией. Все это время он провел на аппарате ИВЛ и в искусственной коме.

На пороге реанимации меня встретила Мирра – медсестра этого отделения.

– Его жизненные показатели стремительно падают, – сказала она. – Одно легкое лопнуло. Доктор Лестер говорит, что наши препараты не помогут, а лишь продлят агонию. Надежда только на твою удачу, Вита.

Я поспешно вошла в комнату – и сразу же увидела его.

Посланник смерти стоял у кровати, на которой лежал худенький светловолосый мальчик, но выполнять свою страшную работу не спешил. Он просто смотрел, как Лестер вводит ребенку инъекцию за инъекцией и чего-то ждал.

Мне почему-то показалось, что он ждет меня.

За годы своей работы я научилась четко определять, насколько тяжелым является состояние пациента по расстоянию, на котором мужчина в синей рубашке находится от него. Конкретно сейчас все было очень плохо.

Я подошла к кровати. Лестер кивнул на приборы – кислород нагнетался в легкие мальчика под самым высоким давлением, но его уровень в крови все равно быстро снижался.

Реаниматолог молча уступил мне свое место и отошел в сторону. Я продолжила его дело, понимая, что толку по-прежнему не будет. Ребенок вот-вот умрет.

Стиснула зубы, пытаясь выровнять сбившееся дыхание. Почему-то пришло в голову, что, если бы Эрик дожил до десяти лет, он мог быть похож на этого славного паренька.

Невольно для самой себя я посмотрела на посланника смерти. Тот глядел на меня внимательным выжидающим взглядом, будто хотел сказать: «Ты знаешь, что нужно делать».

Глубоко вздохнула, сосредоточилась. Потом зажмурилась и перешла на другое, особенное зрение. Во всполохах разноцветного пламени, которым в тот же миг засияло тело Алекса Вокка, я отыскала длинную толстую свечу. Ее узкий фитилек был черен, как смоль, и от него исходила едва заметная струйка дыма. В моей ладони тоже появилась свеча – другая, короткая, горящая ярким высоким пламенем.

Я осторожно поднесла ее к погасшей свече мальчика и окунула черный фитиль в желтоватый теплый огонь. В груди больно кольнуло, зато приборы тут же радостно запищали – уровень кислорода в крови Алекса стал расти. Я рвано выдохнула, обернулась и встретила с круглыми, как монеты, глазами Лестера.

– Ты – ведьма, – с искренним восторгом в голосе выдохнул он.

Я криво улыбнулась, понимая, что очередная передача огня не пройдет для меня даром. Завтра мне будет плохо. Очень плохо.

Ну и ладно. Ребенок будет жить, а значит, оно того стоило. Как и всегда.

Будучи человеком, постоянно имеющим дело со смертью, я, конечно же, пыталась узнать о ней как можно больше. Я прочла кучу философских и эзотерических трудов, посвященных этой теме, неоднократно беседовала со священнослужителями и шарлатанами, именующими себя экстрасенсами. Все они – и люди, и книги – говорили о том, что смерть – это другая форма жизни. Что бояться ее глупо, так как она неизбежна, а встречать ее надо с радостью, ведь избавившись от бренного тела, человек избавляется от боли и обретает смысл всего мироустройства.

Не знаю, как другим, а лично мне эти доводы казались неубедительными. Высшее благо – это жизнь, и ее нужно сохранить любой ценой.

Мое следующее утро началось отвратительно. Едва я открыла глаза, как выяснилось, что горло охвачено огнем, нос заложен, голова едва не раскалывается от боли, а кости ломит, как после дня, проведенного за полевыми работами.

Усилием воли я заставила себя встать с постели и доползти до кухни, чтобы проглотить таблетку обезболивающего и капсулу какого-то противовирусного препарата. После этого вернулась в спальню, рухнула на скомканное одеяло и провалилась в глубокий болезненный сон.

В следующий раз я очнулась через несколько часов – от ощущения, что кто-то протирает мягкой влажной тканью мой пылающий лоб.

Открыла глаза и охнула – на краешке кровати сидел мой темноволосый знакомый.

– Что, уже пора? – прохрипела я, отмечая, что за годы нашего «знакомства» так близко вижу его впервые.

– Еще нет, – усмехнулся мужчина – тоже впервые в моей жизни. – Сегодня я просто пришел тебя навестить. Выпей-ка лучше эту дрянь. На вкус она – жуткая мерзость, зато хорошо помогает от гриппа и ОРВИ.

Он поднес к моим губам стакан, и я послушно сделала из него несколько глотков. В самом деле – почему бы и нет? Вряд ли этот человек желает меня отравить. Если б он хотел моей смерти, наверняка действовал иначе.

Я протерла глаза и внимательно посмотрела на своего гостя.

Он выглядел таким... обычным. Вместо синей рубашки и черных брюк на нем был надет коричневый свитер и темно-серые джинсы.

Хм. Неужели у меня начались галлюцинации?

– Как ты себя чувствуешь? – спросил мужчина.

– Лучше, – призналась я, с удивлением отмечая, что это действительно так.

– Тогда вставай и иди в кухню. Я сварил для тебя куриный бульон.

– Почему бульон?

– Потому что сейчас это единственное, что ты можешь проглотить.

Я встала и, чуть пошатываясь, побрела к обеденному столу. Там меня действительно ждала чашка с теплой ароматной жижей. Пока я ее пила, посланник смерти с невозмутимым видом заварил себе чаю и устроился напротив меня.

– Зачем ты пришел? – спросила я у него.

Он пожал плечами.

– Принес тебе лекарства.

– Почему?

– Потому что кроме меня это сделать некому.

Странное заявление. Но резонное. Ни родственников, ни близких друзей у меня нет.

– Как ты попал в мою квартиру?

– Элементарно, – он сделал глоток чая. – У тебя очень простой и хлипкий замок.

Понятно.

– Могу я узнать твое имя?

– У меня нет имени.

– Совсем?

– Совсем. Оно мне не нужно.

– Как же тогда к тебе обращаться?

Мужчина пожал плечами.

– Как хочешь. Если тебе непременно нужно меня называть, можешь придумать имя сама.

Я улыбнулась и покачала головой.

Забавно. Конкретно сейчас этот мужчина не вызывал ни капли неприязни.

– Я не знала, что ангелы смерти могут принимать человеческий облик.

– Ты всегда видела меня в человеческом облике.

– Почему я вообще тебя вижу?

– Откуда мне знать? Я и сам этому удивляюсь.

Несколько минут мы молчали. Он пил чай, я с интересом рассматривала его лицо.

– Ты нарочно вчера мешкал, да? – спросила у него, наконец. – Ты ведь мог забрать мальчика до того, как я пришла в реанимацию.

– Не мог, – покачал головой мужчина. – Он еще был жив.

– Признайся, ты не хотел, чтобы он умирал. Ты хотел, чтобы я заново зажгла его свечу.

– Ошибаешься. Я просто знал – все будет именно так. Ты очень расточительна, Вита.

Отдаешь свой огонь налево-направо.

– Я отдаю его тем, кто в этом нуждается, – оскорбилась в ответ. – Благодаря моему огню многие люди получили шанс прожить долгую хорошую жизнь.

– Ты правда в это веришь? – он насмешливо поднял бровь. – Боюсь, твои пациенты распорядились этим шансом не так, как хотелось бы их чудесному доктору.

– Не важно, – отмахнулась я. – Они живы и вольны распоряжаться собой, как хотят.

– Знаешь, Вита, ты сумасшедшая, – серьезно сказал мой гость. – Я не шучу. Твое желание победить смерть переросло в манию, которая отравила твою собственную жизнь. Отвлекись на пару минут от своей великой миссии и оглянись вокруг. Ты – одинокая усталая женщина, которая обитает в крошечной однокомнатной квартире со старой облезлой мебелью и вытертыми древними паласами. Что у тебя есть, кроме работы? Ничего и никого. Нет ни мужа, ни детей, ни друзей. Даже кошки нет. И комнатных цветов тоже. Впрочем, последнее даже хорошо. Кошку нужно кормить, а цветы – поливать. Учитывая, что ты днюешь и ночуешь в больнице, они бы погибли в твоей конуре от голода. Спасая других, ты умудряешься разрушать саму себя. Сначала отказалась от личной жизни, потом от интересов и увлечений, затем начала

раздавать свой жизненный огонь... Знаешь, что во всем этом самое печальное? Ты сражаешься с воображаемым врагом, Вита.

– С воображаемым?! – воскликнула я. – Беспомощные люди, задыхающиеся от боли, корчащиеся в судорогах, истекающие кровью – плод моего воображения?! Люди, которые могли бы принести много пользы и радости своей семье, своему городу, своей стране, но вынуждены отправляться в холодную сырую яму – моя фантазия?!

– Да, – жестко отрезал мужчина. – Проблема в том, что ты никак не можешь понять – смерти нет. Скажи, Вита, что ты сделаешь, если платье, которое носишь каждый день, придет в негодность? Если на нем начнут появляться дыры, а потом оно и вовсе расплзется на отдельные нити? Смею предположить, что выбросишь его на помойку, а сама нарядишься в другое.

– Тело – не одежда, – тихо возразила я.

Он покачал головой.

– Одежда. Именно одежда. Согласен, с любимым платьем расставаться очень жаль. Однако рано или поздно его придется снять. С человеческим телом – то же самое. Избавляясь от него, человек не растворяется в небытие, а отправляется за новым нарядом – переходит на другой, более сложный уровень нашего мира. Ты должна понять, чинить прохудившиеся вещи – похвально, но если они целиком состоят из заплат, в этом нет ничего хорошего. Когда организм серьезно поврежден или же его ресурс исчерпан, несколько дополнительных лет жизни, навязанных извне, не принесут ничего, кроме страданий. Иногда, чтобы помочь человеку, нужно позволить ему уйти. Как бы больно и горько не было тебе самому.

Он встал со своего места. Обогнув стол, опустился передо мной на колени и осторожно вытер слезы, которыми было залито мое лицо.

– Ты можешь ненавидеть лично меня, – тихо сказал мужчина. – Если тебе нужен враг, чтобы вести с ним борьбу, я согласен быть им и впредь. Но я очень прошу: перестань сражаться с мироустройством. Смерть – не беда и не благо. Она – часть естественного круга жизни.

– Скажи, – медленно произнесла я, – тот мальчик, чью свечу я зажгла вчера, станет страдать по моей вине?

– Нет, – улыбнулся гость. – Думаю, он быстро пойдет на поправку, и моя следующая с ним встреча произойдет спустя много лет. Между тем, Вита, зажигая чужие свечи, тебе стоит бережнее относиться к своей собственной. Посмотри, какой она стала маленькой! Если будешь продолжать в том же духе, совсем скоро я приду к тебе не как гость, а как проводник.

– Ты проводник?

– Конечно. Кто же еще? Не думаешь же ты, что я прихожу к людям, чтобы их убить? Моя обязанность – провожать их к следующей черте жизни и следить, чтобы они не заблудились по дороге.

О!..

– Много же у тебя работы!

– Хватает. Но я делаю ее не в одиночку. Проводников много.

– Правда? Тогда почему я всегда вижу только тебя?

Он улыбнулся и пожал плечами.

Рисунок на линолиуме больничного коридора превратился в калейдоскоп из разноцветных точек. За окном снова темно, и я снова бегу в операционный зал.

Торстен опять выдернул меня из постели в двенадцатом часу ночи – из женского отделения поступила тяжелая больная. Пациентке собирались делать операцию по удалению миомы, однако поздно вечером у нее вдруг заболел правый бок, поднялась температура...

– У нее лопнул аппендикс, Вита, причем, явно не сегодня, – взволнованно объяснял в телефонную трубку Торстен, пока я, преодолевая головную боль, натягивала на себя платье и

колготки. – Кроме того, у женщины сахарный диабет и серьезные проблемы с сердцем. Ее уже готовят к операции. Пожалуйста, приезжай скорее.

Я влетаю в предоперационную, и Марта снова помогает мне переодеться и обработать руки.

– У нее четверо детей, Вита, – говорит при этом медсестра. – Двое из них – приемные, взятые под опеку. Если она умрет, малышей придется снова отправить в детский дом.

Бегу в зал и на мгновение застываю на пороге. Ангел смерти стоит у самого стола и, кажется, вот-вот протянет пациентке руку. Рядом с ним работают Торстен, Лестер и Агата. Лестер стоит с дефибриллятором. Подхожу ближе и понимаю – спасти тут некого.

– У нее внутреннее кровотечение, и только что была остановка сердца, – говорит мне Агата.

Беру инструменты и приступаю к работе вместе с остальными. Ангел смотрит на наши усилия грустным внимательным взглядом.

Перехожу на другое зрение – и мои плечи опускаются вниз. Свеча многодетной матери представляет собой оплавленный огарок, зажигать который не имеет смысла. Даже если я поделюсь с ней своим пламенем, пациентка проживет не больше пары-тройки месяцев.

В памяти всплывает разговор, состоявшийся две недели назад за моим обеденным столом.

Ну и как мне ее отпустить?! Эта женщина еще молода – лет тридцать пять, не больше! И у нее четверо детей. Наверняка они очень любят друг друга. Сможет ли их отец (если он есть) подарить им столько же внимания и заботы, сколько они могли бы получить от матери?..

Другое дело я. У меня никого нет. И во мне, по сути, никто особо не нуждается – на свете много других докторов, не менее грамотных и опытных, чем я. Однако у меня есть свеча – небольшая, но крепкая. Лет на десять-пятнадцать относительно здоровой жизни ее хватит.

Поворачиваюсь к своему недавнему гостю. Он смотрит прямо и очень спокойно.

В голове тут же проносится мысль: «А ведь он пришел вовсе не за ней – безнадежно больной женщиной. Ему нужен кто-то другой».

Что ж, значит, я все понимаю правильно.

– Агата, – говорю медсестре, – вызови в операционную санитаров. Вам сейчас понадобится их помощь.

Она кивает и через прозрачное окошко в стене делает знак Марте, та тоже кивает и нажимает на специальную красную кнопку.

Я еще раз обвожу взглядом коллег, а потом вырываю из груди пациентки оплавленный огарок и вставляю на его место свою горящую свечу.

Моя голова взрывается ужасающей болью. А потом наступает темнота.

– Скажи, можно ли мне остаться здесь?

Мы идем по длинному темному коридору, мой проводник освещает путь фонарем – большим сгустком яркого теплого света.

– Ты все еще боишься нового этапа? – удивляется ангел.

– Нет, – качаю головой. – Но я бы хотела тоже стать проводником. Встречать людей, освещать им дорогу...

Он улыбается.

– Знаешь, я почему-то был уверен, что как раз этого ты и пожелаешь.

– Ну и?

– Если таково твое решение – пожалуйста. Доставай свой фонарь – и вперед.

– А он у меня есть?

– Фонарь? Конечно, он есть у всех.

Я протягиваю руку, и в ней появляется такой же сгусток света, как и у него.

- Ты ведь поможешь мне освоить... мм... новую профессию?
- Конечно, – он снова улыбается. – Мы теперь будем вместе. Всегда.

Враже, мой враже

– Вы должны запомнить: причиной любого значимого исторического события является экономический интерес. Война, дворцовый переворот, усиление позиций какой-либо политической партии – все это направлено на получение материальной выгоды. Очередной кусок плодородной земли, пустыня, скрывающая пещеры с алмазами, новый торговый путь или конкретная сумма денег – во главе угла стоят именно они. А теперь вернемся к теме нашего урока. Как вы считаете, что было главной причиной войны между горилуйцами и мединцами?

Я обвела взглядом притихших школьников. Те смотрели на меня молча и с некоторым удивлением. Похоже, о самом серьезном вооруженном конфликте в истории нашего государства им рассказывали в совсем другом контексте.

– Ну же, я жду ваших вариантов. Луис, быть может, вы ответите на мой вопрос?

Крепкий шестнадцатилетний паренек покосился на своих одноклассников, однако сказать ничего не успел: тихо скрипнула дверь, и на пороге учебного кабинета появился господин Аббе – директор сей славной провинциальной школы.

Мои ученики, как по команде, поднялись со своих мест.

– Доброго всем дня, – с улыбкой провозгласил директор. – Госпожа Румм, ребята, к нам из столицы с инспекцией приехал очень высокопоставленный гость. Прошу любить и жаловать – Эдвин Деливир, личный помощник первого королевского министра.

Мое сердце пропустило удар, а когда высокий гость шагнул в класс, руки сами собой сжались в кулаки.

Это действительно был Деливир – собственной надменной персоной. За шесть месяцев, прошедших с момента нашей последней встречи, прихвостень хитреца Урра ничуть не изменился. Разве что немного похудел и теперь выглядел еще серьезнее и чопорнее, чем обычно.

Моему присутствию в школе захудалого приграничного городка старый знакомый не удивился. При этом, остановившись у доски, пронзил меня таким острым радостным взглядом, что стало откровенно не по себе.

С инспекцией он приехал, ага. Чем еще заняться Эдвину Деливиру, кроме как инспектировать провинциальные учебные заведения?..

– Добрый день, – сказал Эдвин. – Пожалуйста, занимайтесь дальше и не обращайтесь на нас внимание. Мы с господином директором немного посидим вместе с вами и посмотрим, как проходит урок.

Дети переглянулись.

Гости прошли вглубь класса и уселись у стены за самым последним столом.

– Продолжаем, – громко произнесла я, чтобы снова привлечь к себе внимание учеников. – Луис, я по-прежнему жду вашего ответа. Как вы считаете, что было главной причиной войны между горилуйцами и мединцами?

Сказала, и кожей почувствовала, как напрягся за задней партой высокопоставленный гость. Уж он, коренной мединец, с младенчества знает, почему мое родное государство Горилу в свое время оттяпало значительный кусок от его страны.

– На прошлом занятии господин Рокк говорил нам, что война началась из-за религии, – неуверенно произнес Луис. – Мединцы строили свои храмы не так, как мы, и молитвы у них были другими. Еще они иначе отмечали праздник святого Марка и День зимнего солнцестояния. А наши священники хотели, чтобы ритуалы у всех были одинаковыми, поэтому произошла ссора и началась война.

Я улыбнулась.

– Помимо собственных традиций у мединцев был собственный выход к Эрейскому морю, тому самому, на берегах которого находятся богатейшие страны нашего континента, – сказала ученикам. – Соответственно, их экономика процветала, а вместе с ней – и вся страна. В нашем же государстве такого чудесного торгового пути не было. Это никак не мешало горилуйским купцам торговать на базарах и ярмарках Медины. Вот только их не устраивало, что соседи берут за это пошлину – к слову сказать, весьма скромную. Наши негоцианты всегда отличались непомерной жадностью и платить в чужую казну лишнюю монету не желали. А потому обратились к тогдашнему правителю Адриану Третьему с просьбой получить свой собственный выход к Эрейскому морю. Наш король решил, что самый простой способ удовлетворить эту во всех смыслах выгодную просьбу – попросту отнять его у соседей. К тому же, горилуйская армия тогда была больше и лучше, чем у мединцев. Но для войны необходим приличный повод, и наши священники вспомнили и про отличающиеся храмы, и про молитвы, и про праздник святого Марка.

– Госпожа Румм!

Я мысленно закатила глаза. На протяжении всей моей короткой речи господин Аббе делал большие глаза, активно гримасничал и жестикулировал, очевидно, пытаясь либо заставить меня замолчать, либо вернуть в рамки действующей школьной программы. Теперь он не сидел, а стоял возле своего стула, гневно сверкая глазами.

– Официальная причина этой войны – именно религиозная рознь, – строго сказал директор. – Извольте ее придерживаться. В результате конфликта в Медине был изменен ряд обычаев и ритуалов, а значит, наши священнослужители добились того, чего хотели.

– Негоцианты тоже, – насмешливо добавил Деливир. – Ведь после подписания мирного договора, Горилу отошла едва ли не треть соседней страны, а вместе с ней и выход к Эрейскому морю. Госпожа Румм прекрасно знает историю. Пожалуйста, продолжайте. Мы с господином Аббе больше не будем вам мешать.

Я благодарно кивнула. Не хватало еще, чтобы директор сорвал мне урок.

Эдвин в ответ улыбнулся – доброжелательно и очень тепло.

Интересно, зачем все-таки он приехал?

Домой я возвращалась в глубокой задумчивости. Как только началась перемена, Деливир вместе с директором ушли, и до самого конца рабочего дня я не видела ни одного, ни другого.

Однако то, что мы с помощником старого Урра вскоре встретимся снова, не вызывало ни капли сомнения.

Со дня моего отъезда из столицы прошло не так много времени, чтобы давние знакомые успели забыть про Малену Румм и уж тем более простить ее «подвиги». Непонятным оставалось одно: если Эдвин прибыл в Адер для того, чтобы побеседовать со мной, зачем ему понадобилось притворяться ревизором?

Я свернула с главной улицы, прошла вдоль ряда соседских палисадников, облетевших от порывов студеного ноябрьского ветра, и едва не столкнулась с предметом своих размышлений нос к носу.

Деливир неторопливо прогуливался вдоль ограды моего скромного кирпичного дома, то и дело поглядывая на полуразбитый тротуар, по которому я каждый вечер возвращалась из школы. Заметив меня, столичный гость удовлетворенно выдохнул и улыбнулся.

– Знаешь, твой директор – сущее наказание, – заявил он, когда я подошла к нему вплотную. – Аббе забил мне всю голову старыми партами и скрипучими полами. Я уж решил, что придется до самой ночи сидеть в его кабинете и слушать страшные истории про школьные проблемы.

Я пожала плечами. Как по мне, при дворе его величества встречаются экземпляры похуже.

– А ты, значит, заделался школьным инспектором, Эд? – поинтересовалась в ответ.

– Временно, – кивнул Деливир. – Надеюсь, это произошло в первый и последний раз в моей жизни.

– Зачем ты сюда приехал? – уже без обиняков спросила я. – Что тебе нужно?

– Убедиться, что ты жива и здорова.

– Ты привез приказ о моем помиловании?

– Нет.

– В таком случае – всего доброго, Эдвин.

Я повернулась к нему спиной и хотела сделать шаг к калитке, однако Деливир тут же ухватил меня за локоть.

– Мне надо серьезно поговорить с тобой, Малена.

Я грубо вырвала руку.

– Передай Урру, что у меня все хорошо. Его стараниями моя жизнь здорово изменилась, однако она все равно продолжается. Еще передай, что мне плевать на его тревоги и подозрения. Я жутко устала от интриг и фальши и больше не планирую возвращаться в столицу. Старому лису нет нужды посылать ко мне своих людей и интересоваться моим здоровьем.

– Я приехал сюда не по приказу первого советника, – жестко ответил Деливир. – Это моя собственная инициатива.

– Даже так, – криво улыбнулась я. – Знаешь, Эдвин, я никогда никому не позволяла над собой смеяться. Ни в худшие, ни в лучшие годы своей жизни. Если ты решил убедиться, что сейчас я нахожусь в полной клоаке, пожалуйста – это так. А теперь катись ко всем чертям.

Он покачал головой.

– Я уже понял, что ты мне не рада. Но, быть может, позволишь мне сказать хотя бы слово?

Я пожала плечами и зябко поежилась от налетевшего ветра.

– На улице прохладно, – заметил мужчина. – Почему бы нам не поговорить в каком-нибудь теплом уютном месте?

– К себе домой я тебя приглашать не буду, – ответила ему. – Без обид, Эдвин.

– Хорошо, – кивнул он. – Тогда позволь пригласить тебя в ресторан.

– Не позволю.

– Почему?

– В этом захудалом городишке нет ни одного приличного ресторана. К тому же, у меня еще есть дела. Нужно подготовиться к завтрашним занятиям.

– Вообще-то завтра у тебя не будет занятий. Его величество Фредерик Первый сочетается браком с принцессой Ираидой Рилльской. День их свадьбы объявлен выходным, а потому всем подданным надлежит пить за здоровье королевской четы бесплатное вино и веселиться на площадях, но уж никак не работать. Ты, что же, об этом забыла?

В груди больно кольнуло.

Нет, я не забыла. Хотя многое б отдала, чтобы забыть.

Желание продолжать с Деливиром разговор лопнуло, как мыльный пузырь.

– Через пару минут ко мне придут ученики, – сказала я, разглядывая забор за спиной своего собеседника. – Нужно подготовить их к экзамену по истории. Прости, Эд. Мне правда некогда.

– Даже в провинции ты умудряешься найти себе дела, которые занимают все твое время, – грустно улыбнулся он. – Что ж, я могу немного подождать. Но завтра утром приду снова и не откланяюсь до тех пор, пока ты меня не выслушаешь.

Никакие ученики ко мне в этот вечер, конечно же, не пришли. Готовиться к занятиям я тоже не стала.

Несколько раз заваривала чай, однако так и не сделала ни глотка. До самой темноты я металась по дому, стараясь найти себе какое-нибудь дело, чтобы хоть немного заглушить боль, от которой огнем пылали щеки, и невыносимо болела грудь.

Рана, на которую Эдвин кинул щедрую горсть соли, снова открылась и начала кровоточить. А ведь я всерьез была уверена, что взяла себя в руки, и упоминание о Фредерике и его проклятой свадьбе больше не вызовет у меня особенных эмоций...

Когда за окном зажглись звезды, я уселась в старое вытертое кресло, укрылась тяжелым шерстяным пледом и приготовилась к долгим ночным бдениям. Лучше провести время так, нежели сбивать одеяло и простыню в тугое воронье гнездо – тот фарш, что находится на месте моего сердца, снова не даст мне уснуть.

Порой я думаю о том, как забавно устроен наш мир. В нем есть люди, которым все в жизни дается легко. Каждый день они встречаются и провожают с улыбкой. Им не нужно волноваться о том, что на их столе нет еды, не нужно контролировать каждый свой шаг и каждое слово, дабы не совершить ошибку, за которую их могут втоптать в пыль. У таких людей имеется куча полезных друзей, они всегда твердо и уверенно идут к своей цели и достигают ее без особых проблем.

Как жаль, что лично я не имею к этим счастливицам никакого отношения.

Все, что было в моей жизни – уважение, влияние, благосостояние – являлось результатом упорного ежедневного труда, а каждую победу приходилось зубами вырывать из цепких лапок судьбы.

Не буду грешить против истины – несколько раз мне необычайно везло. Например, когда в возрасте семнадцати лет я бросилась под колеса роскошной кареты Марии Эрилейской – королевы-матери нынешнего государя нашей славной страны.

Везение заключалось в том, что королевская повозка меня не раздавила, солдаты, изумленные неожиданной прытью тощей девицы в скромном старом платье, не успели отшвырнуть меня прочь, а королева приказала кучеру остановиться, дабы выяснить, зачем я это сделала.

На самом деле, тот судьбоносный прыжок был актом шемящего отчаяния. Дядюшка, на воспитании у которого я находилась с девяти лет, намеривался выдать меня замуж за одного из наших соседей – мерзкого пузатого остолопа с репутацией пьяницы и дебошира. Будущий брак преподносился мне, как большая удача, ибо, по мнению дяди, шансов выйти замуж у меня в принципе было не много. Оно и понятно – мало кто согласится взять в жены девушку, все имущество которой состоит из двух пар обуви и трех вытертых старомодных платьев.

Нищета упорно преследовала меня с самого рождения. Мои родители хоть и были дворянами, однако на момент рождения дочери вели столь тихую и скромную жизнь, что никому не приходило в голову считать их представителями благородного сословия. Отойдя в иной мир, они оставили мне в наследство ветхий деревянный дом, старого полуслеплого пса и кучу долгов – дядя частично погасил их продажей пресловутого дома, частично – деньгами из собственного кармана.

Вообще, опека дорогого родственника не доставляла мне ни капли удовольствия. Кроме меня в поместье дядюшки воспитывались еще три девочки – его родные дочери. Доход усадьбы был невелик, а потому лишний рот там никому не был нужен. Одна из двоюродных сестриц неоднократно говорила, что, если бы их семья не боялась осуждения со стороны соседей, после смерти родителей я бы отправилась в сиротский приют.

Вспоминать юность, проведенную под крылом разлюбленных родственников, я не люблю, ибо тот нежный период моей жизни ничего хорошего в памяти не оставил. А желание дяди выдать меня за своего мерзкого приятеля и вовсе стало последней каплей, переполнившей бочку терпения.

Визит королевы Марии в наш портовый городок (кажется, она приехала, чтобы торжественно пустить на воду один из новых кораблей) был настоящим подарком судьбы, и я, конечно же, не могла им не воспользоваться. Бросаясь под колеса королевской кареты, я хотела всего лишь вымолить у государыни приказ об отмене помолвки, однако фортуна решила в тот день одарить меня с ног до головы.

Мария Эрилейская не просто спасла меня от гибельного брака, но и постановила забрать из-под опеки дядюшки и отправить в столичную Школу прилежных барышень – самое престижное в нашей стране учебное заведение для девиц благородного сословия. Учиться, к слову сказать, я должна была за счет королевской казны, потому как денег на оплату занятий у моего семейства не было от слова совсем.

День, когда дилижанс увез меня из поместья родственников, я до сих пор считаю самым счастливым в своей жизни. Это при том, что четыре года, проведенные в Школе прилежных барышень, едва ли можно назвать веселыми и беззаботными. Во-первых, из всех учениц своего курса я оказалась самой старшей (на момент поступления в Школу моим однокашницам было не больше пятнадцати лет), во-вторых, самой грубой и необразованной. Пришлось приложить немало стараний, чтобы доказать и им, и преподавателям, и самой себе: провинциальная девица, явившаяся в обитель наук и благородства в стоптанных башмаках и заштопанном платье, может быть и умной, и красивой, и утонченной.

К третьему курсу среди педагогов я уже слыла умной, талантливой девушкой с прекрасным аналитическим мышлением, а среди учениц – хитрой змеей, с которой лучше дружить, чем враждовать, ибо она умеет делать правильные выводы даже из самых незначительных мелочей и в случае чего может использовать полученную информацию против кого угодно.

В конце четвертого курса в Школу прилежных барышень с официальным визитом приехала Мария Эрилейская, и это стало очередным подарком судьбы. Невероятным образом королева узнала меня среди прочих девиц. У нас состоялся милый приватный разговор, после которого я была зачислена в штат личных фрейлин ее величества и переехала в королевский дворец.

С этого момента в моей жизни началась новая эпоха, полная блестящих балов, гадких сплетен и тонких интриг. Обитель самых знатных и влиятельных людей нашей страны на поверку оказалась грязным болотом, способным поглотить любого, кто не сумеет приспособиться к его условиям.

Благодаря поддержке королевы, я к этим условиям приспособилась очень хорошо. Мы с Марией мгновенно нашли общий язык и до самой ее смерти оставались хорошими подругами, если не сказать сообщницами. Благодаря особым поручениям ее величества, я быстро завоевала при дворе авторитет, а также приобрела целую кучу недоброжелателей. Впрочем, надо быть честной: все наши старания были направлены на то, чтобы ставить на место особенно зарвавшихся интриганов и оберегать от возможных опасностей Фредерика Эрилейского – будущего повелителя Горилу.

С Фредериком у меня сложились особенно близкие и трепетные отношения. Да что там, я влюбилась в наследного принца, как кошка, причем с самого первого взгляда. Да и как в него было не влюбиться? Этот мужчина – живое воплощение сказочного королевича, о котором мечтает каждая женщина. Необыкновенно добрый, красивый, образованный, смелый – одной своей улыбкой он мог очаровать даже замшелую каменную статую.

К моей неземной радости, Фредерик почти сразу ответил мне взаимностью, а спустя еще некоторое время мы разделили постель.

Королева-мать ничего против нашей связи не имела. Более того, всячески ее поддерживала. Она была умной женщиной и прекрасно понимала: ее сын никогда не отведет меня к алтарю – принцы должны жениться на принцессах и с этим ничего не поделать, зато выказывая

мне свою благосклонность, Фредерик получит отличного союзника, который пойдет за него и в огонь, и в воду.

Мария, конечно же, оказалась права. Ради своего королевича я готова была абсолютно на все. Это было очень кстати, ведь друг и защитник ему требовался, как воздух – при всех чудесных качествах своего характера политиком принц оказался никудышным. Он слабо разбирался в хитросплетениях внутренних и международных отношений, а потому серьезно зависел от мнения окружавших его чиновников. Королева-мать опасалась, что после ее смерти принц либо окажется свергнутым с престола, либо станет марионеткой в чьих-нибудь грязных руках.

Я ее опасения полностью разделяла, а потому пристально следила за всем, что происходило вокруг Фредерика.

После того, как Мария умерла, а голову ее сына украсил обруч монаршей короны, наши отношения из спальни переместились в рабочий кабинет. Злые языки шептались, что страной на самом деле управляет не король, а его безродная любовница Малена Румм.

Фактически они были правы. Все, с чем приходилось сталкиваться Фредерику, проходило через мои руки: приказы и документы, отчеты чиновников, переписка с самодержцами соседних государств и многое другое. В течение нескольких лет я лично дергала ниточки паутины служебных интриг, придумывала те или иные хитрые ходы и даже отдавала распоряжения главе секретной королевской службы.

Разумеется, при дворе такое положение дел нравилось не всем. Самым ярким моим противником оказался тот, кто должен был стать главным союзником – Александр Урр, первый советник Фредерика.

Старому лису категорически не нравилось, что все важные государственные дела монарх в первую очередь обсуждает не с ним, а со своей фавориткой, и решения принимает, исходя не из его, а из ее советов. Вместе со своим приспешником – мединцем Эдвином Деливиром Урр неоднократно пытался подложить мне жирную свинью, скомпрометировать в глазах короля и вообще «задать такую трепку», чтобы «сопливая шлюха поняла, наконец, где ее место».

Надо отдать этим двоим должное – свои гадости они творили виртуозно, а потому играть с ними в кошки-мышки было очень интересно. До тех пор, пока в отношениях Урра и Фредерика что-то не произошло.

Остается гадать, что старый интриган наплел моему сказочному королевичу, а только в какой-то момент меня вызвали в кабинет к королю и в присутствии монарха и первого министра обвинили в государственной измене.

– В нашем распоряжении оказались неоспоримые доказательства того, что вы, дорогая Малена, на протяжении года шпионили в пользу Гумграда – нашего главного противника на политической арене, – сладким голосом заявил тогда Александр Урр.

– Это бред, – холодно ответила ему. – Я верна и своей стране, и своему королю. Если у вас действительно есть «доказательства» моей вины, предъявите их.

– Достаточно того, что с ними ознакомился его величество, – мерзко улыбнулся Урр. – И убедился в их подлинности и правомерности.

Он взял со стола лист бумаги и продемонстрировал приказ с подписью и печатью короля, который гласил, что баронесса Малена Румм признается изменницей родины, лишается всех своих титулов и регалий, а ее банковские счета, движимое и недвижимое имущество переходят в собственность короны.

– Теперь по закону мне следовало бы заключить вас под стражу, а потом отправить на плаху, – продолжил первый советник, – однако наш добрый и великодушный государь, помня о былой преданности, решил сохранить вам жизнь. Но при условии, что в течение суток вы покинете столицу и больше никогда сюда не вернетесь. Вам разрешается взять с собой столько личных вещей, сколько вы сможете увезти на почтовом дилижансе, а также поселиться в любом городе нашей страны. Выезд за границу, по понятным причинам, запрещен. Пожизненно.

Я слушала Урра с каменным лицом, не отрывая взгляда от Фредерика. Мой возлюбленный король стоял у окна, засунув руки в карманы, и с интересом рассматривал проплывавшие по небу облака. За все время аудиенции он не сказал ни слова и ни разу не повернул в мою сторону головы. И это было ужаснее любых обвинений.

– Я ни в чем не виновата, – медленно произнесла я. – Каждый из вас это знает.

– Каждый из нас знает, что вы – государственная преступница, Малена, – жестко ответил первый советник. – Более того, совсем скоро об этом узнают и остальные жители города. Настоятельно рекомендую последовать королевскому приказу и уехать из столицы. Впрочем, если вы против, я готов лично проводить вас в тюремные казематы, дабы в комфортных подземных условиях вы могли дожидаться суда и отстоять свою репутацию.

Ждать правосудия в подземных казематах я не хотела, а потому, бросив последний взгляд на прямую спину Фредерика, развернулась и молча вышла из кабинета.

Остаток дня посвятила сборам в дорогу. Оказалось, что на момент зачтения королевского приказа мои банковские счета уже были арестованы, а потому надежды на то, что, покидая столицу, я смогу взять с собой часть сбережений, быстро превратились в прах. Дабы не отправляться на новое место без денег, пришлось срочно вынимать из тайников городского дома имеющуюся наличность и продавать драгоценные украшения.

В путь я выдвинулась ранним утром следующего дня, выпив перед отправлением дилижанса лошадиную дозу успокоительных капель. Очень уж не хотелось напоследок уронить лицо и прослыть припадочной истеричкой.

Пока я собирала деньги и паковала чемоданы, у меня не было времени ни анализировать странное поведение Фредерика, ни выть от животной боли, которой взорвалось мое сердце, когда слуга закрыл за мной центральную дверь королевского дворца. Теперь же слезы и стоны рвались наружу, а я категорически не желала давать им воли.

То, что выдвинутые Урром обвинения беспочвенны, было ясно, как светлый июньский день, в который я покидала столицу. Более того, мой любимый король, без сомнения, тоже прекрасно это понимал. Не удивлюсь, если меня использовали в качестве разменной монеты: влиятельный советник мог оказать своему слабому внушаемому самодержцу какую-нибудь услугу, а в качестве платы потребовать убрать из дворца безродную Румм.

Однако самым ужасным было то, что Фредерик на это согласился. Несмотря на наши чувства и отношения, несмотря на все то, что я делала для него на протяжении всех этих лет.

Честно говоря, я надеялась, что перемены в моей жизни будут временными, что король подыграет честолюбивому чиновнику, а потом найдет способ вернуть мне доброе имя или хотя бы поддержит материально, ведь в вольное плавание я отправилась, имея при себе сравнительно небольшие средства.

Вот только ничего этого не произошло – с момента своего отъезда я не получила от бывшего возлюбленного ни одной весточки.

Впрочем, бедствовать я в любом случае не собиралась. Тот, кто хоть раз хлебнул нищеты, ни за что не захочет возвращаться к ней снова. Арестовав столичные счета, старый лис лишил меня лишь части накопленных сбережений. Почти половина того, что я заработала во время службы во дворце, хранилась в двух заграничных банках, доступа к которым у хитрого Урра не было.

В качестве места своего обитания Адер я выбрала не случайно. Во-первых, этот забытый Богом уголок находился так далеко от главного города страны, что я могла спокойно жить в нем по своим документам (поменять их мне все равно бы не позволили) и гулять по улицам, не боясь, что кто-либо узнает во мне бывшую королевскую фаворитку. Во-вторых, Адер находился в нескольких верстах от границы с Мединой, а потому был удобен для получения денежных переводов – многие горожане, имеющие заграничных родственников, активно пользовались подобными пересылками.

Остаться здесь навсегда я не планировала, однако мне требовалось тихое спокойное место, чтобы залечить душевные раны и хорошенько подумать о том, как жить дальше. Для этого я сняла в одном из районов города небольшой кирпичный дом и устроилась в местную школу учительницей истории – стабильный доход был по-прежнему важен, да и отличаться от жителей Адера тоже было не с руки...

День королевской свадьбы выдался необыкновенно светлым и погожим. Ветер, докучавший горожанам целую неделю, стих, а солнце было таким ярким, будто на дворе не ноябрь, а середина апреля.

В честь торжества, Адер украсили флагами и пестрыми лентами. Его жители, разодетые в пух и прах, с самого утра спешили на главную торговую площадь, где трактирщики бесплатно наливали вино, а местный любительский театр должен был весь день играть в открытом павильоне короткие спектакли.

У меня не было ни малейшего желания веселиться, поэтому я решила остаться дома и посвятить день хозяйственным хлопотам. Однако ровно в десять часов утра надела теплые чулки и пальто, взяла большую белую булку, купленную у местного пекаря, и отправилась к городскому пруду кормить уток. Грудь и голова ныли от тупой тяжелой боли, а потому подышать свежим воздухом было попросту необходимо.

У пруда, кроме меня и уток, не было ни души. Я кидала в воду хлебный мякиш и изо всех сил старалась ни о чем не думать. Рыдать в голос уже не хотелось, но на душе было так погано, что в какой-то момент подумалось: не нырнуть ли мне в пруд вслед за ароматными белыми комочками?

Я вздохнула, бросила уткам остатки булки, уселась на скамейку и закрыла глаза.

Это все равно должно было однажды случиться – Фредерик должен был найти себе подходящую жену, а я – остаться не у дел. Более того, сейчас мне положено негодовать, топтать ногами, грязно ругаться, но только не сидеть в одиночестве, малодушно распустив нюни.

Вот только как это сделать? Как взять саму себя за волосы и убедить, что свадьба Фредерика – это пустяк, не стоящий моего драгоценного внимания?!

– Неужели ты до сих пор его любишь?

Вздрогнула и открыла глаза. Рядом с моей скамейкой стоял Эдвин Деливир.

О! Он ведь обещал зайти в гости, чтобы что-то обсудить. Я совсем об этом забыла...

– Ты меня напугал, – тихо сказала мединцу.

– Неужели тебе не противно? – спросил Деливир, усаживаясь рядом со мной. – Фредерик ведь вышвырнул тебя из дворца, как ненужную вещь, закрыв глаза на все твои заслуги! Благополучно забыл, что никогда бы не стал таким уважаемым и влиятельным монархом, если б за его спиной не стояла ты! Стоит ли страдать из-за такого подлеца, Малена?!

Я медленно выдохнула.

– Ты хотел поговорить со мной о короле, Эдвин?

Он поморщился.

– Нет. Просто мне неприятно видеть, как ты убиваешься из-за человека, который столь мерзко с тобой поступил.

– Мерзко поступил не только он, – криво улыбнулась ему. – Я твердо уверена, что главным инициатором перемен в моей жизни был твой господин. Когда Урр готовил против меня свои козни, тебе тоже было неприятно?

– Я ничего об этом не знал, – мрачно сказал Деливир. – Я провел несколько месяцев в Медине, а в Горилу приехал всего четыре недели назад. И да – Урр мне больше не хозяин. Я покинул королевский двор и собираюсь навсегда вернуться домой.

– Погоди-ка, – я подняла на него удивленный взгляд. – Если ты больше не служишь короне, какой тебе интерес инспектировать горилуйские школы?

– Никакого, – подтвердил Эдвин. – Я приехал в Адер из-за тебя. Инспекцию пришлось выдумать, чтобы мое появление в этом городе ни у кого не вызвало вопросов. Видишь ли, Малена, господин Урр считает, что совершил большую глупость, согласившись сохранить тебе жизнь. Он уверен – рано или поздно ты вернешься в столицу, да не просто так, а подняв какое-нибудь восстание или приготовив грандиозную подлость, чтобы отомстить и королю, и ему самому.

– Старый параноик в своем репертуаре, – усмехнулась в ответ. – Заговоры и интриги ему мерещатся на каждом шагу. Я угадаю, Эд. Урр решил подослать ко мне убийц?

– Да, – кивнул мединец. – Он бы прислал их раньше, но король приказал тебя не трогать. Полгода Урр вел себя тихо, однако теперь его терпение на исходе. Он убедил короля приставить к тебе наблюдателей – им надлежит следить, чтобы госпожа Румм не рассказывала посторонним людям государственные секреты. По факту же эти люди должны стать твоими палачами. Ты умрешь до конца этой недели, Малена – тихо и очень незаметно. Отравишься несвежим пирожком, случайно ударишься головой о дверной косяк или же просто уснешь и не проснешься. Сегодня тебя не тронут – советник не станет омрачать Фредерику светлые впечатления от его свадьбы. Но доживешь ли ты хотя бы до послезавтра? Я в этом не уверен.

Я сглотнула колючий ком, внезапно образовавшийся в моем горле. Как же это отвратительно – чувствовать себя слабой и беспомощной!

– Зачем ты все это рассказываешь, Эд?

– Хочу тебя спасти. Ради этого я сюда и приехал.

– Спасти? Каким образом?

– Я увезу тебя в Медину. А оттуда в Рейн или в Диккерт.

– Ничего не выйдет. Я не смогу выехать за границу. Приказом короля мне запрещено покидать пределы Горилу.

Эдвин улыбнулся.

– Граница закрыта только для госпожи Румм, Малена. А для госпожи Деливир – нет.

Я удивленно моргнула.

– Я предлагаю тебе стать моей женой, – серьезно сказал мединец. – Если мы обвенчаемся прямо сейчас, уже после обеда будут готовы твои новые документы. Менять фамилию по собственному желанию тебе нельзя, зато выходить замуж – можно. Пара часов на сбор багажа, и вечером мы будем в другом государстве.

– Эдвин... ты...

– Ну же, Малена! Думай быстрее, у нас на все про все один неполный день.

– Предложение очень заманчивое. Но я не понимаю, в чем здесь твоя выгода. Зачем тебе меня спасать, да еще таким оригинальным способом?

Пару мгновений он молча смотрел на меня, а потом тихо произнес:

– Затем, что я тебя люблю.

У меня перехватило дыхание.

Деливир бережно взял мою руку и прижал к своей груди.

– Пожалуйста, позволь мне помочь, – все так же серьезно сказал он. – Позволь позаботиться о тебе. Мне невыносима сама мысль о том, что с тобой может случиться беда. Малена, клянусь, мои намерения чисты. Я уже договорился со священником и местными чиновниками. Слово только за тобой.

Я смотрела в его горящие глаза и не знала, как себя вести. Эдвин всегда был моим противником, почти врагом, а потому его неожиданное признание и заманчиво-перспективное предложение буквально выбили из колеи.

– На самом деле идея с фиктивным браком очень хороша, – пробормотала я. – Настолько чудесна, что в ней обязательно должен быть какой-нибудь изъян.

– Изъян в ней действительно есть, – усмехнулся мединец. – Наш брак будет вовсе не фиктивным, а самым что ни на есть настоящим. С супружеской постелью и рождением наследников. Если согласишься стать моей женой, на вольные хлеба я тебя уже не отпущу. Ты будешь моей. Только моей.

Надо же какой честный! И какой замечательный предлагает выбор: смерть или поспешное замужество, чреватое кучей невообразимых последствий. Прекрасный способ отомстить женщине, которая убила половину твоих нервных клеток, не правда ли?

Теперь он смотрит на меня и ждет ответа. А ответ совершенно очевиден.

Глубоко вздохнула и сказала:

– Я согласна.

Дальше все завертелось, как в зимнем праздничном хороводе. Спустя двадцать минут мы с Эдом уже стояли у алтаря единственной адерской церкви и клялись друг другу в вечной верности. На предложение священника скрепить наш союз поцелуем, новоиспеченный муж так жарко и страстно припал к моим губам, что пол едва не ушел у меня из-под ног, а все сомнения в искренности чувств Деливира мгновенно испарились.

Затем мы явились в мэрию, где пожилой мужчина в форменном сюртуке без лишних слов принял у нас документы и занялся оформлением новых бумаг прямо у меня на глазах. Сколько Эд заплатил ему за старание и выход на службу в выходной день, осталось тайной, однако, учитывая, что новый паспорт был готов буквально за полчаса, сумма наверняка была очень приличной.

После этого мы наведались в мой маленький коттедж, покидали в чемодан кое-какие вещи («Бери только самое необходимое. Остальное я куплю тебе, когда приедем домой»), уселись в карету Деливира и со всей возможной поспешностью поехали к ближайшему пропускному пункту.

К моему большому удивлению, проблем с проездом через границу у нас не возникло. Командир пограничного отряда мельком взглянул на наши документы (я в это время тихонько сидела в экипаже и делала вид, будто ужасно устала от долгой дороги), поставил на проезжие грамоты нужные печати и с улыбкой пожелал счастливого пути.

Ночь мы провели в дороге. Я категорически отказалась останавливаться на каком-либо постоялом дворе – хотела как можно дальше уехать от Адера и свести к минимуму вероятность погони. Чтобы путешествовать было удобнее, Эдвин закутал меня в теплое одеяло и периодически кормил вкусностями, которые доставал из большой корзины, стоявшей в багажном углу.

Все знаки внимания я принимала легко и с благодарностью, отмечая про себя, что забота Деливира мне хоть и непривычна, но очень приятна.

Подумать только, этот мужчина сам все организовал, обо всем подумал и позаботился! А я просто сижу и позволяю себе быть... слабой? Нет, не так. Позволяю себе быть женщиной – хрупкой и нежной.

Это так... странно. Я привыкла быть сильной. Целеустремленной. Бескомпромиссной. Однако сейчас, закутанная до самого носа в теплое мягкое одеяло, жду, когда сидящий рядом мединец очистит мне апельсин или делает бутерброд с сыром.

– Эд, куда конкретно мы едем?

– Конкретно сейчас – в ближайшую гостиницу, где сможем нормально поесть и отдохнуть. Потом пару дней проведем в моем родовом поместье. Познакомлю тебя с отцом, покажу наши усадебные озера. Затем отправимся в Рейн. У меня там есть кое-какая недвижимость и неплохие связи. Ты когда-нибудь бывала в Рейне?

– Нет, ни разу.

– Там здорово. Чудесная природа, уютные города, потрясающие художественные галереи. Тебе понравится. К тому же в этой стране мы сможем жить без особой оглядки – ищейки Александра Урра нас не достанут.

Я улыбнулась. Затем вытащила из-под одеяла руку и осторожно коснулась ею ладони мужа.

– Эд, мне нужно попросить у тебя прощения.

– За что?

– Ты знаешь. За гадкие слова, которые я тебе говорила, за каверзы, за красное вино, которое вылила на твои брюки, за девиц, гулявших под твоей дверью, и многое другое, из-за чего мне сейчас очень стыдно.

Он сжал мои пальцы, а потом наклонился и нежно коснулся их губами.

– Я не обижаюсь, Малена. Мне и самому стоит перед тобой извиниться. А список моих провинностей будет гораздо длиннее твоего.

Я сжала его руку в ответ, и несколько минут мы ехали молча.

– Нам придется узнавать друг друга по-новой, – тихо сказала ему. – Мы так долго враждовали, что помним друг о друге только гадости.

– Плохое помнишь только ты, – грустно улыбнулся Деливир. – Я же тебя люблю. Просто люблю. И уже давно.

– Значит, мне придется научиться любить тебя.

– Это было бы неплохо, – улыбнулся Эдвин. – Однако можешь не спешить. Я знаю, что твое сердце занято, и ему нужно время, чтобы освободиться.

– Мое сердце разорвано на куски, – прошептала я. – Оно не занято, его просто нет.

– Я помогу собрать его воедино, – муж привлек меня к себе и крепко обнял. – А еще помогу отомстить Урру и Фредерику за обиду и оскорбление, которые они тебе нанесли. С твоим умом и моими связями это будет не так уж сложно.

Я покачала головой.

– Не надо, Эд. Я не хочу мстить. Бог с ними. Я правда устала от политики и интриг, мне хочется покоя. Хотя бы ненадолго.

– Вот именно – ненадолго, – усмехнулся Деливир. – Я ведь тебя знаю, Малена. Отдохнешь, наберешься сил, залечишь раны и снова отправишься на баррикады.

– Баррикады бывают разные.

– Верно. Поэтому нам придется найти для твоей кипучей энергии мирное русло. Чтобы было кем командовать, не развязывая при этом мировой войны.

Я хихикнула.

Эдвин осторожно провел пальцем по моей щеке.

– Ты так здорово улыбаешься, – тихо сказала он. – Как бы мне хотелось любоваться этой улыбкой каждый день! Но я знаю – если захочешь уйти, тебя не остановит ни одна дверь и ни одна клятва. Поэтому снова прошу: позволь защищать и оберегать тебя. Для меня это очень важно.

Я покачала головой.

– Это ты позволь находиться рядом с тобой. У нас впереди неизвестность, и мне очень хочется, чтобы, встретившись с ней лицом к лицу, я хотя бы раз в жизни была не одна.

Эдвин несколько долгих секунд смотрел мне в глаза, а потом наклонился и нежно коснулся губами моих губ.

На краю земли

На самом деле, лететь в Нортон я была не должна.

Туда вообще никто не должен был лететь. Согласитесь, это глупо и нерационально – нестись на другой конец континента только для того, чтобы подписать четыре бумажки. Особенно сейчас – во времена высоких технологий, когда и печати, и подписи, и почта давно стали электронными. Господи, да наш шеф всегда подписывает контракты, не выходя из офиса, – со всеми своими партнерами!

А вот компания «Дэйрэн Дэн» оказалась особенной: сразу после того, как ее руководство согласилось сотрудничать с нашей фирмой, господину директору было объявлено, что подписи в документе, который скрепит их дружбу, должны быть поставлены только при личной встрече.

– Они сказали, что это их незываемая традиция, – закатив глаза, сообщила во время обеда Ида, директорская секретарша. – И им плевать, что между нашими городами несколько тысяч километров. Контракт надлежит подписать в присутствии обеих сторон, иначе они вовсе откажутся с нами работать.

– А с какой радости ехать к ним должны именно мы? – удивился Тим, начальник службы охраны. – Пусть бы эти умники явились к нам в гости сами.

– Они не приедут, – вздохнула Ида.

– Почему?

– Потому что нам этот договор нужен гораздо больше. Упускать его из-за такой ерунды, как расстояние, директор не станет. Сотрудничество с «Дэйрэн Дэн» – это очень круто, ребята.

Насколько сильно и горячо наша фирма желает дружить с холдингом из далекого Нортон, я узнала через два дня, когда шеф вызвал меня к себе в кабинет и вручил билеты на самолет.

То, что начальник отправит на другой конец мира своего представителя, было сказано давно – впереди маячили новогодние каникулы, и директор планировал приступить к долгожданному отдыху на несколько дней раньше подчиненных.

Тех, кто имел право представлять его перед деловыми партнерами, было не много. Я же, являясь руководителем нашей пресс-группы, в этом списке занимала почетное третье место, да еще и оказалась самой свободной из всех: мой годовой отчет уже покоился в залежах директорских бумаг, примерный план-график мероприятий следующего года был отправлен на согласование, и даже бухгалтерия не имела ни ко мне, ни к моему отделу никаких претензий.

– Тебе не нужно делать ничего особенного, Алиса, – сказал мне тогда шеф. – Возьми мою печать и факсимиле, разрисуй ими все бумаги, которые тебе дадут наши друзья, пожми им руки – и все.

– Обратный билет датирован вечером следующего дня, – заметила я, рассматривая проездные документы. – Что мне делать в Нортоне столько времени?

– Я подумал, что партнеры наверняка пригласят тебя на корпоративный фуршет, – подмигнул директор. – Поэтому попросил Иду забронировать билеты с запасом. После фуршета всегда требуется несколько часов, чтобы... мм... прийти в себя.

Я мысленно закатила глаза. Напиваться до поросычьего визга с незнакомыми людьми у меня не было никакого желания. Билеты, впрочем, я взяла без возражений, решив, что в случае чего, смогу просто обменять один рейс на другой.

На самом деле, поездка в Нортон была не такой уж плохой идеей. Мой муж благополучно уехал со своими друзьями на горнолыжный курорт, родители и младший брат со дня на день намеривались отправиться к теплему морю, а потому предпраздничную неделю мне предсто-

яло провести в гордом одиночестве. Эта ситуация совсем не радовала, на душе было тоскливо, а уж о новогоднем настроении речи и вовсе не велось.

Так что небольшая поездка, пусть даже рабочая, казалась неплохим способом сменить обстановку и хоть как-то избавиться от серой зимней рутины.

Все свои нортонские дела я решила в течение трех часов. Ровно столько времени мне понадобилось, чтобы добраться от аэропорта до гостиницы, забронированной для меня заботливыми коллегами, бросить в номере саквояж с привезенным на всякий случай вечерним нарядом, явиться в «Дэйрэн Дэн» и подписать все необходимые бумаги.

Фуршет, о котором говорил мой начальник, также оказался очень коротким: новоиспеченные партнеры угостили меня бокалом шампанского, выразили надежду на долгое плодотворное сотрудничество, поздравили с наступающим Новым годом и вежливо проводили за дверь.

Таким образом, когда я вышла из небоскреба «Дэйрэн Дэн» на улицу, солнце еще не перевалило за полдень. При желании я могла прямо сейчас отправиться обратно в аэропорт, дабы через пару часов сесть в самолет и улететь восвояси.

Между тем, ни дома, ни на работе меня никто не ждал (по крайней мере, до послезавтра), а потому я решила-таки остаться в Нортоне и потратить отведенное время на себя. В этом огромном городе имеется куча интересных мест и развлекательных заведений, так почему бы просто не отдохнуть, раз уж мне представилась такая замечательная возможность?

Я неторопливо зашагала вперед по тротуару.

Погода сегодня была по-настоящему сказочная: воздух казался прозрачным, с неба на заснеженные газоны лениво опускались мохнатые снежинки, и даже морозец был легким и приятным.

Фасады домов и витрины магазинов щеголяли еловыми венками, яркой оберточной бумагой и изящными пластиковыми фигурками, призванными подарить всем, кто их увидит, веселое новогоднее настроение.

На самом деле, эта поездка в Нортон была для меня не первой. Полгода назад, в начале лета я уже приезжала в этот город по рабочим делам. Вместе с ребятами одного из местных благотворительных фондов мы тогда проводили масштабную, интересную и жутко дорогую программу по поиску и обучению талантливых инвалидов.

Эта акция стала замечательным опытом и для нашей компании, и для меня лично, а потому оставила множество теплых впечатлений. Между тем, вместе с воспоминаниями о тех веселых беспокойных днях в памяти невольно всплывал образ человека, с которым у меня теперь неизменно ассоциировался Нортон.

Эдуард Райли. Эд.

Бесшабашный и совершенно непостижимый. С потрясающей улыбкой и грустными глазами, невероятным чувством юмора, кучей креативных идей, золотыми руками и категорическим отрицанием любых графиков и расписаний.

Мне рассказывали, что за всю свою жизнь ни с одной компанией он не заключил контракта дольше, чем на 3 месяца. Предпочитая жизнь «вольного художника», Эдуард с охотой и воодушевлением брался за самые разные проекты – постановку трюков, оптических иллюзий, организацию авто- и мотофестивалей и многое другое.

В нашей программе Райли участвовал в качестве вольнонаемного мастера спецэффектов – руководители хотели не просто показать, что люди с ограниченными возможностями здоровья способны дать фору тем, кто с этим самым здоровьем проблем не имеет, а сделать настоящее шоу.

Работать с Эдом оказалось непросто. Конкретно моя задача состояла в том, чтобы организовывать интервью с шефами и участниками акции, а также давать в СМИ информацию о том, как движется реализация нашего проекта. Для этого мне пришлось побывать на всех рабочих и творческих площадках, вникнуть во многие детали каждого отдельного процесса, побеседовать едва ли не со всеми задействованными людьми.

С группой Райли я провела особенно много времени – тема физических трюков очень нравилась публике и здорово поднимала нам рейтинг.

Эдуарду же этот интерес не нравился, как, собственно, и мое присутствие в его «мастерской». За порог он меня, конечно, не выгонял, однако делал все возможное, чтобы я чувствовала себя там неуютно. В мою сторону постоянно отпускались острые язвительные замечания, и хотя я, по возможности, старалась их парировать или обращать в шутку, приятного в таком общении было мало.

При этом, наблюдая за тем, как ловко он мастерит непонятные мне штуковины, читает странные схемы, разбирается в хитросплетениях тросов и карабинов, я невольно любовалась этим саркастичным и невероятно талантливым человеком. Работа профессионала всегда вызывает восхищение, а Райли в своем деле был самым настоящим профи.

Между тем его ядовитые фразочки жутко мне досаждали, поэтому, делая о его трудах последний материал, я испытывала большое облегчение.

Эдуарду же, по всей видимости, так понравилось меня травить, что он продолжил заниматься этим и дальше – во время совместных обедов, случайных встреч и даже общих планерок.

Окружающие, к слову, получали от происходящего огромное удовольствие – наши перепалки всех здорово веселили. В какой-то момент коллеги начали предполагать, что эти стычки имеют под собой более глубокую подоплеку.

– Это как симпатия у школьников, – хихикали они. – Дернул за косичку – значит влюбился. Будь осторожнее, Алиса, как бы к концу проекта Эд не позвал тебя замуж!

От таких глупых замечаний я, конечно, отмахивалась. Во-первых, симпатией со стороны Райли даже не пахло, это заметил бы даже слепой, а во-вторых, я уже несколько лет была замужем и ничего менять в своей жизни не планировала.

Между тем, шуточки господина физика-каскадера-иллюзиониста стали откровенно надоедать. Попытки же урезонить «шутника» заканчивались очередным ведром сарказма, вылитого на мою голову.

Перемена в наших с Эдом отношениях наступила за полторы недели до окончания шоу.

В тот день для юных участников проекта была организована вечеринка с клоунами, фокусами и сладким столом. В этой вечеринке приняли участие все: и наставники, и технические работники, и даже гримеры со сценаристами.

Праздник удался на славу – было море шоколада, смеха, забавных конкурсов и мини-постановок. В одной из таких реприз приняла участие едва ли не половина присутствующих. По задумке весельчака-организатора, все мы должны были изобразить большую дружную семью, собравшуюся для того, чтобы сделать общее фото.

Мне досталась роль маленькой девочки, которую фотограф посадил на колени к папе. «Папой», как нетрудно догадаться, назначили Эдуарда.

Под общее хихиканье я взгромоздилась ему на колени, а Эд, следуя заявленным правилам, тут же обнял меня за талию руками. Так нам надлежало сидеть минут двадцать – до самого конца репризы.

Постановка получилась очень забавной, а ее действие разворачивалось так быстро и смешно, что я почти сразу забыла о том, где нахожусь и кто прижимает меня к себе.

Райли, впрочем, быстро мне об этом напомнил: примерно на середине нашей сценки моего полуобнаженного плеча вдруг коснулись горячие губы.

Я вздрогнула и замерла.

Вокруг шумели и смеялись люди, и никто из них неожиданного поступка Эда не увидел.

Стоило осознать, что хулиганство «папы» осталось незамеченным, как мою кожу обжег еще один поцелуй – теперь у основания шеи.

Я едва не задохнулась от возмущения. Он считает это смешным?..

Да, видимо, считает. Потому что конкретно сейчас я не могла ни пикнуть, ни крикнуть – стоило мне привлечь к нашей паре внимание, как я наверняка попала бы в очередную нелепую ситуацию – уж Райли бы об этом позаботился.

Попыталась осторожно освободиться, однако сильные руки крепче прижали к широкой груди, и я тут же ощутила, как часто бьется его сердце.

Я коротко выдохнула, а Эд, уже не стесняясь, принялся покрывать мою шею и плечи быстрыми поцелуями.

Провернулась в его руках, намереваясь сообщить, что шутка в этот раз оказалась дурацкой, и встретила с таким горячим взглядом, что слова буквально застряли у меня в горле.

В глазах Эда не было ни насмешки, ни привычных озорных огоньков, зато имелось что-то, от чего по спине пробежал целый табун мурашек. К счастью, реприза подошла к концу, и я пружиной соскочила с колен своего странного коллеги.

Собственно, после этого случая наши отношения и изменились.

Рук и губ Эдуард больше не распускал, а общаться стал очень дружелюбно и даже попросил прощения за обидные слова, которые говорил раньше. Такая резкая перемена в его поведении меня, конечно, насторожила, однако извинения я приняла.

Обсуждать маленькое происшествие на вечеринке мы не стали – не сговариваясь сделали вид, что ничего особенного не произошло.

До самого окончания шоу я и Эд были «неразлучны» – он по-прежнему встречался мне на каждом шагу и обедал в моей компании.

Что интересно, при ближайшем рассмотрении Эдуард оказался даже более обаятельным, чем виделся раньше. А еще немного грустным и удивительно внимательным к окружающим.

У меня создалось впечатление, что этот человек способен держать в поле своего зрения все на свете: он всегда знал куда делась чья-либо пропавшая вещь, всегда приходил на помощь к тому, кто в этом нуждался, умел вовремя улыбнуться и похвалить.

Что же касается меня, то шутки коллег о том, что Эд сделает мне предложение, в какой-то момент переросли в уверенность. Райли угощал меня кофе и пирожными, решительно уводил от навязчивых респондентов и вообще вел себя так, что в его обществе я чувствовала себя хрустальной вазой – хрупкой и очень красивой.

Резкий переход от дразнилок к заботе, которой меня теперь окружал Эдуард, не мог остаться незамеченным, а потому породил множество слухов и подозрений. Что интересно, оснований для пересуд у сплетников не было вообще: наши с Эдом отношения ни на шаг не переходили черту простого дружеского общения. Даже в те моменты, когда мы оставались наедине, дальше простой болтовни об общих знакомых и забавных случаях из своей жизни, никто из нас не заходил.

Так продолжалось до последнего дня реализации нашего проекта. Завершился он, к слову сказать, ярким концертом, во время которого участники-инвалиды продемонстрировали публике свои таланты. Затем был шумный банкет с вкусным угощением, речами и дискотеккой.

На следующий день все мы должны были разъехаться по домам, а потому устроили шумный прощальный праздник.

Эдуард в течение всего вечера вел себя напряженно: натянуто улыбался, глазами искал кого-то в толпе и на удивление много пил.

Когда стало понятно, что среди присутствующих он выискивает меня, появилось ощущение, что без приключений сегодня не обойдется.

Собственно, так и вышло.

Мы столкнулись с ним в пустынном коридоре – я возвращалась в общий зал из дамской комнаты, а он нетерпеливо прохаживался вдоль стены. Едва я вышла из-за поворота, как Эд просто прижал меня к стене и впился в губы страстным поцелуем.

Честное слово, так меня не целовали ни разу в жизни – неистово, будто желая выпить до дна. Это оказалось так потрясающе, так обескураживающе волшебным, что я не сделала ни одной попытки воспротивиться неожиданной ласке.

– Колдунья, – прошептал Эд, с трудом отрываясь от моих губ. – Что же ты со мной делаешь?..

Кожа от его прикосновений горела огнем, и больше всего на свете мне хотелось сейчас обхватить его руками и со всей возможной нежностью ответить на поцелуй.

Эта неожиданная реакция собственного тела немало меня испугала.

Что я, действительно, делаю?! Что ОН делает со МНОЙ? Я замужем! И не имею права вести себя так безнравственно и нечестно!

– Эд, перестань, – решительно отодвинула его от себя. – Ты сегодня много выпил. Держи себя в руках.

– Нет, – он покачал головой, снова прижимая меня к стене. – Я и так контролировал себя все эти дни. Теперь я хочу держать в руках тебя.

– Что с тобой случилось?! – все мои потуги обрести свободу пресекались на корню. – Немедленно отпусти меня!

– Я тебя люблю, – он наклонил голову и принялся покрывать мои плечи поцелуями. – Люблю, люблю...

– Эд, я закричу! Убери от меня руки!

Он дернулся, как от удара. Медленно разжал пальцы, отступил в сторону.

А дальше произошло то, что я пыталась забыть на протяжении всех последующих месяцев: и свои гневные, очень правильные слова о статусе и обязательствах замужней женщины, а также о грубых мужланах, которые возмнили о себе невесть что. И его горькую кривую усмешку, и горячее обещание, что просто так я от него не отделаюсь.

Что ж, Эдуард оказался человеком слова. Его совершенно не остановило, что на следующее утро я улетела на другой конец континента.

Он где-то раздобыл номер моего телефона и позвонил через час после того, как я сошла с трапа самолета. Извинился за свой резкий порыв («я, наверное, тебя испугал. Пожалуйста, не сердись»), а потом без малого 30 минут рассказывал, как сильно скучает и желает увидеть меня вновь.

– Мои слова не были пьяным бредом, Алиса, – серьезно сказал Эд. – Я безумно тебя люблю.

С тех пор он звонил каждый день. Расспрашивал о делах, просил позволения приехать и даже высказывал намерение познакомиться с моим мужем.

С супругом, к слову, наши отношения день ото дня становились холоднее и безразличнее. Причем дело тут было вовсе не в Эдуарде, а некоторых особенностях совместной жизни. Учитывая, что брак вдруг начал трещать по швам, и я была вынуждена прикладывать массу сил для того, чтобы сохранить семью, просьбы Райли казались издевательством.

Каждый раз, отвечая на его звонки, я вежливо просила Эда оставить меня в покое, со всей возможной деликатностью объясняя, что ответных чувств к нему не испытываю, а потому не вижу смысла поддерживать дальнейшие отношения.

Потом, повесив трубку, долго лежала в постели, разглядывала потолок и заново прогоняла в памяти детали нашего разговора: слова, интонации, паузы. В такие минуты где-то внутри появлялось гадкое ощущение совершаемой ошибки, которое буквально давило на виски.

А потом Эд звонить перестал.

Некоторое время я невольно поглядывала на экран своего мобильного, надеясь увидеть пропущенный вызов с его номера, однако звонков от Райли больше не было. Это обстоятельство почему-то жутко меня расстраивало. В какой-то момент я даже решила позвонить ему сама – просто, чтобы убедиться, что с ним все в порядке. Потом, правда, передумала.

Не я ли сама убеждала Эда оставить меня в покое? Он оставил. Чем же я недовольна?

Почти месяц я ходила мрачная, как туча, заедая успокоительными таблетками внезапно возникшую сердечную пустоту. А затем жизнь начала возвращаться в привычное русло – на работе захватили новые проекты, дома тоже все было относительно спокойно, хотя и мне, и мужу было понятно, что развод в нашем случае неминуем и является только вопросом времени.

Это обстоятельство не радовало, но уже и не угнетало. Последние недели я вообще начала ко всему относиться ровно и безразлично. До тех пор, пока меня не отправили в Нортон.

Я неторопливо дошла до перекрестка и, свернув налево, вышла на набережную одной из местных речушек. Вдоль нее тянулся ряд уютных кофеен и ресторанчиков. Помнится, в самом последнем из них очень любил обедать Эдуард.

Ну да, именно здесь он угощал меня сливовыми пирожными. По его мнению, тут их готовили лучше, чем в любом другом заведении города.

А там, за узким мостиком с коваными перилами, раскинулся Центральный городской парк.

Один из наших операторов рассказывал, что у Эда в этом парке была собственная скамейка, на которой он обожал отдыхать и пить кофе, купленный в одной из пресловутых кофеен.

Мне вдруг захотелось перейти через мост и увидеть эту самую скамейку. Очень захотелось.

Хотя, конечно, это было глупо. Лавку-то я найду – если верить рассказам, она стоит прямо у ограды, однако на дворе зима, и ее наверняка замело снегом. Сомневаюсь, что местные коммунальщики чистят что-то кроме пешеходных дорожек.

Да и зачем мне эта скамейка? Ее «обожатель» сейчас наверняка греется на южных пляжах (зная тягу Эда к путешествиям, это было бы неудивительно), а без него она – всего лишь доска на ножках.

Я размышляла, а ноги сами несли меня вперед, через мост, через узкий тротуар и пешеходный переход.

Заходить в парк я не стала, и медленно направилась вдоль его длинного низенького забора.

Ветки деревьев уже укрылись белой пушистой шалью, однако на земле сугробы были невелики, и обзору ничего не мешало.

Я прошла еще пару метров и остановилась. Метрах в десяти от меня действительно обнаружилась скамья – обычная парковая, на черных металлических ногах. В том, что это та самая лавочка, сомнений не возникало. Потому что на ней сидел Эдуард.

Я невольно затаила дыхание, с жадностью вглядываясь в мужскую фигуру по ту сторону ограды.

Да, это он. Широкоплечий, с копной непослушных волос и легкой небритостью на щеках.

Эд с аппетитом отхлебывал кофе из большого бумажного стакана и разговаривал с кем-то по телефону.

Разговор, судя по всему, был приятным, ибо мужчина широко улыбался и что-то воодушевленно рассказывал своему невидимому собеседнику. Выглядел он таким веселым и живым, что я откровенно им залюбовалась.

Наверное, я прилетела сюда именно для этого – убедиться, что у господина каскадера все хорошо.

Но отчего же он сидит в парке, а не в одной из своих любимых кофеен? На улице морозец, и доски у скамейки наверняка очень холодные.

Эдуард же на мороз совсем не обращал внимания. Объясняя что-то своему собеседнику, он вдруг засмеялся, выбросил в урну пустой стакан, повернул голову и – увидел меня.

Возможно, в другой ситуации я бы осталась незамеченной, однако улица была пустынная, а мое красное пальто здорово выделялось среди белых деревьев и кустов.

С лица Эдуарда сползла улыбка, а глаза изумленно расширились. Он отнял телефон от уха, сбросил вызов и буквально в два прыжка оказался возле меня.

Это произошло так быстро, что я не успела даже охнуть. Только что Райли находился в десятке метров, и вот уже совершенно обалдевшим взглядом смотрит на меня сверху вниз.

Первым моим порывом было сбежать. Просто развернуться и дать стрекача. Однако я подавила его усилием воли – появилось подозрение, что Эд схватит меня за шиворот и побег накроется медным тазом.

Поэтому я растянула губы в улыбке и тихо сказала:

– Привет.

Он глубоко вздохнул.

– Как ты здесь оказалась, Алиса?

– Проходила мимо, – развела я руками.

– Мимо? – Эд вопросительно поднял бровь. – Проходила мимо нортонского парка?

– Да. Я прилетела сегодня утром по делам фирмы и освободилась раньше, чем планировала. До моего обратного рейса еще куча времени, поэтому я решила немного прогуляться, – снова улыбнулась. – Я побеспокоила тебя, извини. Наверное, будет лучше, если я уйду. Всего доброго, Эд.

Не дожидаясь ответа, я отвернулась и уже хотела сделать шаг в сторону, однако Эдуард цепко ухватил меня за локоть.

– Тебе нравится издеваться надо мной, да? – поинтересовался он. – Появляться в моей жизни и исчезать из нее по собственному желанию, смеяться над чувствами? Я ведь только начал забывать тебя, Алиса. Только вернулся к нормальной жизни. И вдруг ты снова тут, передо мной. Совершенно случайно.

– Отпусти, Эд, – тихо попросила я. – Клянусь, ты больше никогда меня не увидишь.

– Ну уж нет, – усмехнулся Райли. – Ты уже убегала от меня на край света. Второй раз этот номер не пройдет.

Он резко потянул мой локоть на себя, и я буквально упала в его объятия. Эд тут же обхватил меня руками, крепко прижал к груди. Я не сопротивлялась. Наоборот, обняла в ответ и уткнулась лицом в его синюю куртку.

– Не отпускай, – сказал Эдуард. – Считаю, что это судьба. Ты проходила мимо, я снова оказался на твоём пути. Такие случайности не случайны, Алиса.

Я кивнула, положила ему голову на плечо.

– А что скажет твой муж? – вдруг спросил Эд.

Тихо фыркнула.

– Скорее всего, ничего. Он сейчас отдыхает в теплой веселой компании. Есть подозрения, что ему глубоко плевать, где и с кем я провожу время.

Эд осторожно взял меня за подбородок и, наклонившись, нежно припал губами к моим губам.

От его ласки по телу разлилось блаженное тепло, будто от кружки вкусного глинтвейна, выпитого в морозный день. Я потянулась и с чувством ответила на поцелуй.

Когда наши губы разомкнулись, Эдуард нежно провел пальцем по моей щеке.

– Я ведь правда тебя не отпущу, – сказал он. – Я чуть не свихнулся здесь за эти месяцы. Мне будет проще прослыть маньяком-похитителем, чем снова проверять на прочность свою печень.

– Прости меня, – ответила ему. – Я очень перед тобой виновата.

– В чем? В том, что не ответила тогда на мои чувства? Разве за это просят прощения, Алиса? Сердцу-то не прикажешь.

– Не прикажешь, – согласилась я. – А я вот пыталась приказать. И здорово ошиблась. Сердце – очень мудрый орган, Эд, его не обманешь. Если бы я послушалась его несколько месяцев назад, мы бы с тобой сэкономили кучу нервов.

Райли коротко усмехнулся.

– Когда у тебя самолет, Алиса?

– Завтра вечером.

– Значит, у нас есть время, чтобы сдать твой билет.

Я снова спрятала голову у него на груди.

Конечно, мне стоило возразить. Сказать, что я должна вернуться домой в срок как минимум для того, чтобы привезти начальнику подписанные документы. А еще чтобы сделать множество мелких предновогодних дел.

Но Эд прав, я уже убегала. И кому от этого было хорошо?

Да и не хочется мне возвращаться домой. Вот совсем не хочется.

Поэтому я просто кивнула, позволила взять себя за руку, и мы вместе пошли вперед по заснеженному тротуару...

Контракт я отдала начальнику после праздников. Перед тем, как сдать билет на самолет, позвонила на работу и уточнила, могу ли я остаться в Нортоне еще на некоторое время. Получив положительный ответ, успокоилась и до самого конца каникул просто наслаждалась жизнью.

В мой родной город мы с Эдом полетели вместе – он сказал, что в ближайшие десять лет не согласен отпускать меня от себя дольше, чем на 1-2 часа.

То, как будем жить дальше, мы обсудили уже на следующий день после своей неожиданной встречи. К общему мнению пришли быстро и почти без споров. Собственно, это и не удивительно: когда лежишь рядом с женщиной, одетая в одну тоненькую простынку, переговоры проходят проще и продуктивнее.

Если коротко, то мы решили подчиниться чувствам и попробовать построить отношения друг с другом. Эд предложил остаться в Нортоне, и я согласилась. А что? Если менять жизнь, то кардинально.

Поэтому, приехав на работу, вместе с пакетом документов от «Дэйрэн Дэн» я отдала директору заявление об уходе. Правда, потом забрала его обратно.

– Тебе совершенно не обязательно увольняться, – заявил мне шеф. – Я давно планирую открыть в Нортоне представительство нашей компании. Мы уже оформляем для этого лицензию и договора. Ты могла бы работать там. Что скажешь, Алиса?

Эта идея показалась мне очень удачной, и я с радостью с ней согласилась.

С разводом все оказалось сложнее. Разговор с супругом у меня получился непростой. Разбежаться в разные стороны муж был не против, однако совместная собственность, нажитая в браке, вызвала серьезные разногласия.

Впрочем, этот вопрос также удалось решить полюбовно – сразу после того, как в ситуацию вмешался Эд.

О чем он разговаривал с моим мужем, я так и не узнала, однако в итоге этой беседы супруг послушно подписал все необходимые бумаги и вежливо пожелал мне успехов в личной жизни.

– Знаешь, я еще никогда не чувствовала себя так спокойно, – призналась я Эдуарду, когда самолет снова уносил нас на край земли. – В моей жизни происходят большие перемены, однако я почему-то уверена, что все будет хорошо.

– И что же вселяет в тебя такую уверенность? – улыбнулся Райли.

– Ты, – просто ответила я. – В твоей компании мне ничего не страшно.

– Это правильно, – кивнул Эд. – Торжественно клянусь тебе, Алиса, что в моей компании ты проведешь очень много лет.

Я взяла его за руку, нежно погладила длинные сильные пальцы.

– Я тебя люблю, – сказала ему.

Он улыбнулся и крепко прижал меня к себе.

Снегурочка

Эти сапоги я увидела случайно. Шла после работы домой и внезапно заметила их в витрине недавно открывшегося магазина.

Они были потрясающими: изящные, на низком аккуратном каблучке белые, как снег, и с тонкой декоративной вышивкой, напоминающей морозный узор. Я любовалась ими несколько минут, представляя, как удобно и приятно было бы гулять по улицам в таких чудесных сапожках. То, что они действительно чудесные, подтверждал и прикрепленный к ним ценник – указанная сумма оказалась столь скромной, что я без всяких сомнений потянула на себя дверь магазина, намереваясь их примерить.

Спустя десять минут я шагала домой, держа в руках большую обувную коробку. И думала о том, что только что совершила ненужную и абсолютно непрактичную покупку. Зимняя обувь мне не нужна, у меня ее и так с избытком – сапоги и три пары приличных крепких ботинок. Да и куда, скажите на милость, я буду ходить в этих белоснежных башмаках? Вот-вот закончится декабрь, а на улице нет ни одной снежинки. Зато луж и грязь – целая куча. Тут уж впору покупать не кожаную обувь, а резиновую.

Впрочем, пусть. У меня впереди два зимних месяца и целая жизнь. Эта обновка когда-нибудь обязательно пригодится. Тем более, я приобрела ее далеко не на последние деньги.

Дома коробка с сапожками отправилась в шкаф. Честно говоря, я была уверена, что теперь ей предстоит там жить до следующего декабря, однако шанс «выгулять» новые сапоги представился уже через неделю, когда Иринка, соседка и давняя подруга, пригласила меня сходить с нею в театр.

– Это будет последний спектакль в уходящем году, – сообщила она, протягивая билет. – Закрытие сезона у наших артистов всегда фееричное. Мы с тобой, Танюша, это пропустить не можем.

– Я думала, ты пойдешь вместе с мужем, – удивилась я.

– Да ну его, – отмахнулась Ира. – Он театр не любит. А вот тебя выгулять надо, иначе совсем со своими отчетами закиснешь. Если повезет, мы там и мужика тебе какого-нибудь подберем – серьезного и интеллигентного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.